

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ХОДЮКЕВИЧ против РОССИИ»

(Жалоба № 74282/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

28 августа 2018 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

28 ноября 2018 года

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, предусмотренном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Постановление может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле «Ходюкевич против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,

Бранко Лубарда

Хелен Келлер

Дмитрий Дедов,

Пере Пастор Виланова,

Алина Полачкова,

Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя 2 мая 2017 года и 10 июля 2018 года заседания за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 74282/11), поданной в Европейский Суд против Российской Федерации гражданкой Российской Федерации Галиной Николаевной Ходюкевич (далее - «заявительница») 15 ноября 2011 года на основании статьи 34 Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция»)

2. В Суде интересы заявительницы представлял Гладких, адвокат из Оренбурга. Интересы Властей Российской Федерации (далее - «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Заявительница жаловалась, что ее сын был задержан и незаконно удерживался в отделении милиции, что сотрудники правоохранительных органов жестоко обращались с ним и что такое жестокое обращение привело к его смерти. Она также жаловалась на отсутствие эффективного расследования по этому поводу.

4. 25 августа 2014 года жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница родилась в 1955 году и проживает в г. Оренбурге (Оренбургская область).

А. Задержание, жалоба на жестокое обращение и смерть сына заявительницы

6. 16 сентября 2008 года между 01:00 и 02:00 часами сын заявительницы Алексей Альшин был задержан по месту жительства своих друзей сотрудниками правоохранительных органов, вызванными по поводу конфликта. В 02:10 он был доставлен в отделение милиции Промышленного района г. Оренбурга (далее - «отделение милиции»). Сотрудники правоохранительных органов составили протокол, удостоверяющий, что в отделении милиции Альшин допрашивался в состоянии алкогольного опьянения, что выражалось в отсутствии координации движений и спутанности речи. Они показали, что не применяли ни силу, ни особые меры принуждения.

7. По словам заявительницы, в отделении милиции, настаивая на том, чтобы его отпустили, Альшин вступил в конфликт с сотрудниками правоохранительных органов, которые нанесли ему удар по голове. После этого он потерял сознание, и его тело вытащили на улицу и оставили на тротуаре в пяти метрах от отделения милиции.

8. Власти указывают, что Альшин был отпущен в 02:40 после составления протокола об административном правонарушении (нахождение в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, правонарушение, предусмотренное статьей 20:21 Кодекса об административных правонарушениях). Они заявляют, что потерпевший, несмотря на алкогольное опьянение средней тяжести, был способен прочитать и подписать процессуальные документы. Они добавляют, что сотрудники правоохранительных органов, участвовавшие в задержании, не заметили никаких телесных повреждений на видимых частях тела Альшина.

9. В тот же день в 07:20 прохожие обнаружили его без признаков жизни, и он был доставлен в больницу (*ММУЗ МГКБ им. Пирогова*), где он скончался от полученных травм 27 сентября 2008 года.

В. По факту умышленного причинения вреда здоровью, повлекшего смерть Алексея Альшина, было возбуждено уголовное дело.

10. 17 сентября 2008 года следователь Ш. из того же отделения милиции вынесла постановление о возбуждении уголовного дела по факту умышленных насильственных действий, повлекших тяжкий вред здоровью (часть 1 статьи 111 Уголовного кодекса). В соответствии с отчетом о результатах экспертизы от 25 сентября 2008 года, инициированной следователем, у Альшина было диагностировано сотрясение правого полушария головного мозга с внутримозговой гематомой. Вследствие недостаточно подробного описания повреждений судебно-медицинский эксперт отказался высказать свое мнение о происхождении этих травм.

11. В тот же день в отделении милиции была допрошена Альшина, которая призналась в том, что нанесла телесные повреждения своему мужу. Повторно допрошенная 20 октября 2008 года, на этот раз в присутствии своего адвоката, Альшина отказалась от своих признательных показаний.

12. 8 октября 2008 года после смерти Альшина в компетентном региональном управлении Следственного комитета по г. Оренбургу в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом было возбуждено уголовное дело с целью расследования преступления по факту нанесения умышленного вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (часть 4 статьи 111 Уголовного кодекса).

13. 16 октября 2008 года было произведено вскрытие. Эксперт подтвердил, что смерть произошла вследствие осложнения черепно-мозговой травмы. Он уточнил, что травма была нанесена твердым предметом. По его мнению, сразу после инцидента Альшин был в состоянии двигаться самостоятельно.

14. 20 октября 2008 следователь Т. потребовал от отделения милиции предоставить ему записи с камер видеонаблюдения, установленных вокруг здания, в частности, видеозаписи от 16 сентября 2008 года с 06.00 до 08.30. В неуточненный день начальник отделения милиции отказал в удовлетворении этого требования по той причине, что видеозаписи хранились только 7 дней.

15. 21 октября 2008 года следователь допросил свидетеля С. Тот показал, что 16 сентября 2008 года он находился в отделении милиции и что около 01:00 он видел, как сотрудники правоохранительных органов привели человека и поместили его в камеру, несмотря на протесты потерпевшего. С. добавил, что он покинул отделение милиции через двадцать минут, но что он видел, как этот человек без конца задавал сотрудникам правоохранительных органов один и тот же вопрос: «Как [по-вашему] [я] должен добираться [до дома в такое

время]?» Следователь показал С. фотографию Альшина, на которой он узнал человека, которого видел в отделении милиции.

16. 3 декабря 2008 года следователь признал Альшину непричастной к делу.

17. Постановлением от 17 декабря 2008 года он установил, что 16 сентября 2008 года в 02.15 Альшин был доставлен в отделение милиции и что уже в 02.35 он был отпущен после составления протокола об административном правонарушении. Он приостановил предварительное следствие в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса на том основании, что срок, предоставляемый для этого расследования, истек, а лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено. Кроме того, он вынес распоряжение отделению милиции о принятии мер, необходимых для установления виновника правонарушения.

18. Заявительница обжаловала постановление следователя, которое было отменено. После этого следователь вынес несколько постановлений аналогичного содержания 23 сентября 2009 года, 19 января, 9 марта, 21 апреля, 16 сентября и 5 ноября 2010 года и 13 апреля 2011 года. Эти постановления были отменены соответственно 23 октября 2009 года, 19 февраля, 9 апреля, 21 мая, 5 октября 2010 года и 13 апреля 2011 года вышестоящими должностными лицами по той причине, что не были расследованы обстоятельства смерти. Эти должностные лица выдали компетентному органу предписание о продолжении расследования для установления лица, нанесшего вред здоровью, повлекший смерть Альшина.

19. 31 марта 2014 года Альшина без предупреждения явилась в Следственный комитет и призналась в жестоком обращении со своим мужем. В тот же день ей было предъявлено обвинение в преступлении, предусмотренном частью 4 статьи 111 Уголовного кодекса.

1. Решение от 25 августа 2014 года в отношении Альшиной

20. 25 августа 2014 года следователь Следственного комитета города Оренбурга вынес решение о прекращении уголовного дела в отношении Альшиной.

21. Для этого следователь собрал показания свидетелей П., двух членов семьи потерпевшего, которые заявили, что после вечеринки, сопровождаемой обильным распитием спиртных напитков, между супругами Альшиными вспыхнула ссора, во время которой Альшина ударила своего мужа скалкой. При этом он выяснил, что через месяц после первого допроса свидетели изменили свою версию случившегося и показали, что не присутствовали при драке супругов. Он также установил, что оба свидетеля подтвердили отсутствие видимых телесных повреждений у Альшина на тот момент, когда его забрали сотрудники правоохранительных органов.

22. Следователь допросил некоего М., соседа свидетелей П., который показал, что через дверной глазок он видел приезд и отъезд сотрудников правоохранительных органов, которые забрали Альшина. М. пояснил, что в ночь с 15 на 16 сентября 2008 года он видел, как человек, который передвигался самостоятельно, опустился на колени, чтобы завязать шнурки. Он добавил, что координация движений этого человека была не плавной, из чего он сделал вывод, что этот человек был пьян.

23. Следователь также допросил сотрудников правоохранительных органов Е. и Т., которые задержали Альшина. Они пояснили, что П., собственница квартиры, где находился потерпевший, вызвала милицию по поводу драки. Они уточнили, что они задержали Альшина, который хотя и находился в состоянии алкогольного опьянения, был способен идти самостоятельно, и что у него не было видимых травм. Они добавили, что тот задавал им вопросы о причинах его задержания и что он пояснил им, что поссорился с женой и что она ударила его скалкой. В заключение они уточнили, что по прибытии в отделение милиции они оставили его в дежурной части для составления протокола.

24. Кроме того, следователь получил заявление караульного Г., в соответствии с которым Альшин был задержан нарядом милиции, прибывшим на вызов П. Сотрудник правоохранительных органов Г. показал, что Альшин был допрошен в отделении милиции в 02:15, где он находился до 02:35, пока составлялся протокол об административном правонарушении, совершенном задержанным. Он также сообщил о том, что им был составлен протокол и что Альшин его подписал. Последний пояснил ему, что он находился у родственников своей жены и что та ударила его скалкой. Он уточнил, что у Альшина не было никаких видимых телесных повреждений и что он был спокоен. Он добавил, что к нему не применялись никакие меры принуждения.

25. Следователь также допросил прохожих, которые обнаружили Альшина, лежащего без сознания, и врача скорой помощи, который забрал потерпевшего. Он пришел к заключению, что Альшин был найден в 7 часов без документов и в состоянии алкогольного опьянения. Прохожий Э. пояснил, что по дороге на работу он вместе с двумя другими людьми в штатском подошел к человеку. Он заявил, что на его теле не было ни признаков телесных повреждений, ни следов крови, но он не подавал признаков жизни. Он уточнил, что в этот момент подошел сотрудник правоохранительных органов, затем он зашел в отделение, чтобы сообщить о том, что человеку плохо.

26. Врач скорой помощи показал, что у человека не было видимых телесных повреждений, за исключением царапины на правом виске. Кроме того, он уточнил, что во время доставки в больницу потерпевший не приходил в сознание.

27. Следователь привел выдержки из отчетов судебно-медицинской экспертизы от 25 сентября 2008 года (пункт 10 выше) и 16 октября 2008 года¹ (пункт 13 выше) в подтверждение своего заключения, в соответствии с которым в первые часы после получения телесных повреждений Альшин мог совершать действия самостоятельно - ходить, говорить и т.д. – до тех пор, пока кровоизлияние в мозг не достигло критического уровня и он не потерял сознание.

28. Следователь также привел выдержку из одного из отчетов о результатах экспертизы, в соответствии с которым следы крови на скалке обнаружены не были.

29. Он учел пояснения свидетеля С. (пункт 15 выше).

30. Он также учел пояснения следователя Ш., которая в 2008 году вела расследование по факту умышленного причинения вреда здоровью Альшина (пункт 10 выше). Ш. показала, что члены семьи Альшина, допрошенные сразу после инцидента, заявили, что имела место драка между потерпевшим и его женой и что та ударила своего мужа скалкой по голове. Она уточнила, что Альшина призналась в том, что ударила своего мужа. Она также рассказала, что на следующий день после произошедшего пришла в квартиру, где произошла драка, допросила свидетелей и изъяла оружие правонарушения - скалку. Она добавила, что после смерти Альшина в больнице она передала дело по подследственности региональному подразделению Следственного комитета для продолжения следствия.

31. Следователь также допросил Альшину. Та заявила, что 16 сентября 2008 года после распития алкогольных напитков она и ее муж, на тот момент одни, поссорились и что в ходе этой ссоры они подрались. Она показала, что она ударила своего мужа не менее трех раз скалкой по голове, но что она не видела ни следов травм, ни кровотечения от ударов, которые она ему нанесла. Она также показала, что на следующий день после госпитализации ее мужа сотрудники правоохранительных органов пришли за ней к ней домой и что она сначала призналась, что причинила умышленный вред здоровью своего мужа, прежде чем отказаться от своих признательных показаний через несколько дней. Она добавила, что узнала о смерти своего мужа от своей свекрови. В заключение она заявила, что в 2014 году, испытывая угрызения совести, она обратилась в полицию, чтобы вновь сознаться в содеянном.

32. Следователь выяснил, что в соответствии с отчетами о результатах экспертизы от 2 апреля и 22 августа 2014 года Альшиной было нанесено не менее одиннадцати телесных повреждений. В этих отчетах были указаны два кровоподтека и ссадины на левом плече и бедре, которые появились, по мнению эксперта, за два дня до этого на

1. В тексте решения следователь указал 8 октября 2008 года.

бедре и за три-четыре дня на плече. Эти повреждения были нанесены твердым и тупым предметом.

33. В заключение следователь допросил заявительницу. Та пояснила, что узнала о задержании и госпитализации своего сына от знакомой. Сомневаясь в версии виновности Альшиной, она выразила убежденность, что травмы, вызвавшие смерть ее сына, были нанесены ему сотрудниками правоохранительных органов в отделении милиции.

34. Опираясь на собранные доказательства, следователь квалифицировал действия Альшиной как превышение пределов необходимой обороны, преступление, предусмотренное частью 1 статьи 114 Уголовного кодекса. Отметив, что Альшина дала свое согласие, он прекратил уголовное дело за истечением срока давности привлечения к ответственности 25 августа 2014 года.

2. Постановление от 25 августа 2014 года в отношении сотрудников правоохранительных органов

35. В тот же день следователь вынес постановление о прекращении дела в отношении сотрудников правоохранительных органов за отсутствием состава преступления, предусмотренного статьями 285 и 286 Уголовного кодекса (злоупотребление должностными полномочиями). Он пришел к заключению, что преступление было совершено Альшиной, что, по его мнению, подтверждалось ее признательными показаниями и отчетами о результатах экспертизы, свидетельскими показаниями и прочими собранными доказательствами. Следователь отверг версию заявительницы, в соответствии с которой ее сын был убит сотрудниками правоохранительных органов, посчитав, что эта версия была основана исключительно на подозрениях заявительницы и что она не подкреплялась никакими доказательствами.

3. Решения от 6 марта и 6 апреля 2015 года в отношении Альшиной

36. 6 марта 2015 года следователь регионального подразделения Следственного комитета по г. Оренбургу вынес постановление о прекращении уголовного дела в отношении Альшиной по факту преступления, предусмотренного частью 4 статьи 111 Уголовного кодекса за отсутствием состава преступления. Он установил, что Альшин скончался от травм, нанесенных его женой. Учитывая то, что пострадавший не пользовался никакими предметами в качестве оружия и что, если бы в действительности она подверглась нападению, Альшина смогла бы позвать на помощь лиц, находящихся в квартире, следователь пришел к выводу, что Альшина, нанеся своему мужу удары скалкой, превысила пределы необходимой обороны и совершила преступление, предусмотренное частью 1 статьи 144

Уголовного кодекса. Он постановил продолжить изучение дела в свете этой статьи.

37. 6 апреля 2015 года следователь регионального подразделения Следственного комитета по г. Оренбургу вынес постановление о прекращении уголовного дела в отношении Альшиной за преступление, предусмотренное частью 1 статьи 114 Уголовного кодекса за истечением срока давности привлечения к ответственности. Для этого он привел доказательства, содержащиеся в предыдущих решениях, а также выдержки из отчетов судебно-медицинской экспертизы телесных повреждений Альшиных. В этих отчетах эксперт констатировал у Альшиной два кровоподтека и ссадины на левом плече и бедре, которые появились, по мнению эксперта, за два дня до этого на бедре и за три-четыре дня на плече. Эти повреждения были нанесены твердым и тупым предметом.

38. Следователь привел выдержку из отчета от 16 октября 2008 года², в котором судебно-медицинский эксперт констатировал у Альшина внутримозговую травму с царапинами, кровоподтеком и кровоизлияниями в лобной и правой и левой височных долях, кровоизлияния в тканях твердой и мягкой мозговых оболочек и в боковых желудочках, а также некроз черепа в области лобной и правой височной долей.

39. Эксперт посчитал, что эти телесные повреждения, которые он квалифицировал как тяжкие, были нанесены незадолго до помещения потерпевшего в больницу, то есть 16 сентября 2008 года. Он установил, что они были нанесены твердым тупым предметом (по меньшей мере один удар) или в результате падения жертвы с высоты своего роста. Кроме того, эксперт выяснил, что смерть Альшина произошла по причине интоксикации и полиорганной недостаточности, сопровождающихся абсцедирующей пневмонией, явившейся осложнением внутримозговой травмы. Он пришел к выводу, что эти повреждения привели к смерти Альшина.

40. Анализ этих сведений позволил следователю прийти к выводу, что Альшин скончался от травм, нанесенных его женой. Учитывая признательные показания обвиняемой и ее согласие на прекращение судебного преследования за истечением срока давности привлечения к ответственности, следователь прекратил уголовное дело в отношении Альшиной.

41. Постановлением, вступившим в силу, от 4 февраля 2016 года Оренбургский областной суд отказал в удовлетворении ходатайства, поданного заявителем против этого решения.

2. В тексте решения следователь указал 8 октября 2008 года.

С. Гражданский иск заявительницы

42. Заявительница, посчитав, что срок расследования уголовного преступления по факту смерти ее сына, продолжавшегося в течение шести лет, оказался слишком большим, направила иск в суд для получения компенсации в этой связи. 17 октября 2014 года Оренбургский областной суд предписал Министерству финансов выплатить заявителю 100 000 рублей в качестве компенсации. Он посчитал, что дело не представляло никаких фактических и юридических сложностей и что заявительница не содействовала затягиванию расследования. В соответствии с материалами дела это решение не было обжаловано заявителем.

II. Применимое национальное законодательство

43. В соответствии с частью 1 статьи 111 Уголовного кодекса, умышленные деяния, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью, наказываются лишением свободы на срок до восьми лет. Согласно части 4 той же статьи, умышленные деяния, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего, наказываются лишением свободы на срок до пятнадцати лет.

44. В соответствии с частью 1 статьи 114 Уголовного кодекса, умышленные деяния, повлекшие за собой тяжкий вред здоровью, совершенные при превышении пределов необходимой самообороны, наказываются лишением свободы на срок до одного года. В соответствии со статьей 78 Кодекса, срок давности привлечения к ответственности по этому преступлению составляет два года.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ

45. Заявительница утверждает, что ее сын, удерживаемый в отделении милиции, стал жертвой жесткого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов и что это жестокое обращение привело к его смерти. Она также жалуется на отсутствие эффективного расследования по этому поводу.

В этом отношении она ссылается на статьи 2 и 3 Конвенции, которые в соответствующих частях, относящихся к данному делу, гласят:

Статья 2

«1. Право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание. (...)».

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

46. Власти опровергли это утверждение. Они показали, что национальное расследование пришло к заключению о вине супруги сына заявительницы. Они утверждают, что отсутствуют подтверждения утверждения заявительницы, в соответствии с которым работники правоохранительных органов являются ответственными за жестокое обращение с Альшиным и за его смерть. Они заявляют, что ни телесные повреждения потерпевшего, которые не были заметны, ни его состояние алкогольного опьянения средней тяжести не представляли опасности для его жизни и что они не требовали оказания ему медицинской помощи. Они сообщают, что Альшин был найден в месте, не охватываемом камерами видеонаблюдения. В этом отношении они уточняют, что в 2008 году отделение милиции было оборудовано устройством видеонаблюдения, включающим в себя четырнадцать стационарных и неповоротных камер, лишь три из которых располагались снаружи здания (одна камера на главном входе в здание, а две другие охватывали стоянку служебных автомобилей и периметр вокруг защитного ограждения здания).

47. Что касается расследования в отношении умышленных насильственных действий, повлекших смерть, Власти заявляют, что на следующий день после обнаружения Альшина, лежащего без сознания, было возбуждено уголовное дело. Кроме того, они считают, что органы власти выполнили все необходимые следственные действия, позволившие установить лицо, совершившее преступление.

48. Заявительница подвергает сомнению утверждение Властей, в соответствии с которым Альшин был отпущен в 02:35 в связи с отсутствием объективного повода для его задержания. Она считает, что несмотря на черепно-мозговую травму сотрудники правоохранительных органов отпустили ее сына, не оказав ему медицинской помощи, и оставили его умирать перед отделением милиции в поле зрения камер видеонаблюдения и что такое поведение равносильно нарушению обязательства о защите жизни, гарантированного статьей 2 Конвенцией.

49. Кроме того, заявительница оспаривает заключения национального расследования. Она настаивает на ответственности сотрудников правоохранительных органов за, по ее мнению, негуманное и унижительное обращение, которое привело к смерти ее сына. У заявительницы есть сомнения в независимости следователя Ш., которые основаны на ее принадлежности к тому же отделению милиции, что и сотрудники, которые могли подозреваться в жестоком обращении. Она обвиняет, в частности, следователя, у которой был прямой доступ к записям камер видеонаблюдения, в том что она не сохранила эти доказательства, и даже скрыла их или уничтожила, чтобы не ставить под сомнение официальную версию, согласно которой смерть Альшина наступила в результате домашнего насилия, и отказалась от версии жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов.

В. Оценка Суда

50. Установив, что эта жалоба не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по другим причинам, Суд объявил ее приемлемой.

1. Предполагаемое нарушение статей 2 и 3 Конвенции в их материально-правовом аспекте

51. Общие принципы изложены в постановлении Европейского Суда от 22 декабря 2015 года по делу «Лыкова против России» (*Lykova c. Russie*) (жалоба № 68736/11, пункты 113-119).

52. Возвращаясь к обстоятельствам дела, Суд отмечает, что у сторон нет разногласий по поводу того, что сын заявительницы был доставлен в отделение милиции после драки с женой и что имевшиеся у него телесные повреждения, по меньшей мере их часть, были нанесены ею.

53. Он установил, что версии сторон в отношении событий, произошедших в отделении милиции, различаются. Заявительница утверждает, что смертельные удары и травмы были нанесены ее сыну сотрудниками правоохранительных органов, а Власти, опираясь на заключения национального расследования, считают, что роковой удар был нанесен Альшиной.

54. Во-первых, Суд установил, что на своем пути от места задержания до выхода из отделения милиции Альшина видели несколько свидетелей - сотрудники правоохранительных органов, соседи, задержанные в отделении милиции. Последние заявили, с одной стороны, что Альшин был способен говорить и самостоятельно передвигаться (пункты 22-24 выше) и, с другой стороны, что сотрудники правоохранительных органов не обращались с ним грубо и что у него не было видимых повреждений (пункты 15, 21 и 24 выше).

55. Во-вторых, Суд отметил, что эта версия подтверждается медицинским доказательством, согласно которым, пока внутричерепное кровоизлияние не достигло критического уровня и Альшин не потерял сознание, черепно-мозговая травма не мешала потерпевшему в первые часы осуществлять различные действия самостоятельно (пункты 13-25 выше).

56. Далее Суд отмечает, что стороны также не достигли согласия по вопросу времени выхода Альшина из отделения милиции. Согласно Властям, потерпевший покинул отделение милиции в 02.35 и ушел самостоятельно. Согласно заявителю, сотрудники правоохранительных органов ударили ее сына по голове в отделении милиции, затем вытащили его тело на улицу и положили на тротуар утром 16 сентября 2008 года (пункт 7 выше). Суд установил, что заявительница, подвергая сомнению официальную версию расследования, высказала лишь личное мнение в отношении виновности сотрудников правоохранительных органов, не представив никаких доказательств этого.

57. Суд признает, как показала заявительница (пункт 48 выше), что записи камер видеонаблюдения могли бы помочь в установлении фактов в отношении выхода Альшина из здания и за пределы отделения милиции. В отличие от заявительницы он, тем не менее, считает, что отсутствие этих записей не является доказательством того, что в них содержались сведения, компрометирующие сотрудников правоохранительных органов.

58. Также Суд считает, что факты, имеющиеся в его распоряжении, не позволяют ему установить вне всякого разумного сомнения, что сотрудники правоохранительных органов жестоко обращались с Альшиным на каком-либо этапе его пути от места его задержания до отделения милиции и до его выхода из отделения. Версия Властей, согласно которой телесные повреждения, которые в конечном итоге привели к смерти потерпевшего, были нанесены его собственной женой, не кажется ему неразумной.

59. Что касается аргумента заявительницы, обвиняющей государственные органы в оставлении лица в опасности, Суд считает, что обстоятельства дела не позволяют ему вынести заключение о том, что сотрудники правоохранительных органов, если бы они были осведомлены о травмах или сильном алкогольном опьянении Альшина, оставили бы того без медицинской помощи. Он напоминает, что Альшин был в состоянии самостоятельно ходить и говорить и что у него не было видимых телесных повреждений (пункты 54-55 выше).

60. Что касается аргумента заявительницы, согласно которому сотрудники правоохранительных органов оставили ее сына умирать перед отделением милиции в поле зрения камер видеонаблюдения, Суд отмечает, что этот аргумент был впервые сформулирован в Суде. Ни на каком этапе заявительница не высказала его компетентным

государственным органам и не позволила им, таким образом, проверить точность этого утверждения. Между тем, согласно выводам расследования Альшин был обнаружен без сознания 16 сентября 2008 года в 07.20 идущими на работу прохожими. Согласно данным этого расследования, именно один из этих прохожих, сотрудник правоохранительных органов в форме, привлек внимание своих коллег из отделения милиции, которые вызвали скорую помощь (пункты 9 и 25 выше). Поэтому у Суда нет никаких доказательств, подтверждающих версию, согласно которой жертва лежала в поле зрения камер.

61. Поэтому Суд считает, что представленные сторонами материалы не позволяют ему прийти к заключению о жестоком обращении с Альшиным со стороны сотрудников правоохранительных органов, повлекшем его смерть. Кроме того, он считает, что государственные власти не нарушили своего обязательства по защите жизни потеплевшего.

62. Таким образом, Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения статей 2 и 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

2. Предполагаемое нарушение статей 2 и 3 Конвенции в их процессуальном аспекте

а) Общие принципы

63. Суд напоминает, что обязанность охранять право на жизнь, содержащаяся в статье 2 Конвенции, рассматриваемая в сочетании с общей обязанностью государств, согласно статье 1 Конвенции, обеспечивать каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Конвенции, подразумевает необходимость иметь в той или иной форме возможность провести эффективное официальное расследование в случаях гибели людей в результате применения силы, в том числе лицами, действующими от имени государства (постановление Европейского Суда от 27 сентября 1995 года по делу «МакКанн и другие против Соединенного Королевства» (*McCann et autres c. Royaume-Uni*), пункт 161, серия А № 324; постановление Европейского Суда от 19 февраля 1998 года по делу «Кайя против Турции» (*Kaya c. Turquie*), пункт 86, *Сборник постановлений и решений* 1998-I). Таким же образом, если лицо обоснованно заявляет, что испытало со стороны милиции или других подобных государственных служб незаконное жестокое обращение, противоречащее статье 3 Конвенции, это положение требует, соответственно, проведения эффективного официального расследования (постановление Европейского суда от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov et autres c. Bulgarie*), пункт 102, *Сборник* 1998-VIII).

64. Если человек скончался, находясь в руках государственного должностного лица, при подозрительных обстоятельствах, компетентные государственные органы должны особо строго проконтролировать расследование, проведенное по фактам (постановление Большой Палаты Европейского Суда от 30 марта 2016 года по делу «Армани Да Силва против Соединенного Королевства» (*Armani Da Silva c. Royaume-Uni*), жалоба № 5878/08, пункт 234; постановление Европейского Суда от 26 апреля 2011 года по делу «Енукидзе и Гиргвлиани против Грузии» (*Enoukidze et Guirgvliani c. Géorgie*), жалоба № 25091/07, пункт 277).

65. Требование эффективности также возлагает на власти обязательство принять имеющиеся в их распоряжении разумные меры, направленные на обеспечение получения доказательств, имеющих непосредственное отношение к фактическим обстоятельствам дела, в частности, на сбор свидетельских показаний, проведение экспертизы и, в случае необходимости, на вскрытие трупа, обеспечивающее полную и безошибочную фиксацию повреждений, а также объективный анализ клинических исследований, в том числе относительно причины смерти. Любой недостаток расследования, который подрывает его способность установить причину смерти или личности виновных, может повлечь за собой заключение о несоответствии указанному положению (см., например, вышеупомянутое постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства», пункт 166; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии» (*Giuliani et Gaggio c. Italie*), жалоба № 23458/02, пункт 301, CEDH 2011 (выдержки)).

66. Обязательством расследования, вытекающим из статей 2 и 3 Конвенции, является обязательство действия, а не обязательство результата. Расследование должно позволять определить и при необходимости применить санкции к виновным (вышеупомянутое постановление по делу «Джулиани и Гаджо против Италии», пункт 301 и постановление Европейского Суда от 25 июня 2013 года по делу «Мустафа Тунч и Феджире Тунч против Турции» (*Mustafa Tunç et Fecire Tunç c. Turquie*), жалоба № 24014/05, пункт 172). Из этого следует, что статья 2 не гарантирует право на то, что третье лицо будет привлечено к ответственности или осуждено за уголовное преступление (вышеупомянутое постановление Европейского суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии», пункт 306). Задача Суда заключается скорее в проверке с учетом всей процедуры в целом, в какой мере государственные органы подвергли скрупулезному изучению дело в соответствии с требованиями статьи 2 Конвенции (вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Армани Да Силва против Соединенного Королевства», пункт 257).

67. Суд подчеркивает, в частности, что эффективность, прежде всего, предполагает, что лица, проводящие расследование, независимы от лиц, возможно причастных к обстоятельствам гибели; это означает не только отсутствие иерархических или институциональных связей между ними, но и их независимость на практике (постановление Европейского Суда по делу «МакКер против Соединенного Королевства» (*McKerr c. Royaume-Uni*), жалоба № 28883/95, пункт 112, CEDH 2001-III; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамасхаи и другие против Нидерландов» (*Ramsahai et autres c. Pays-Bas*), жалоба № 52391/99, пункт 325, CEDH 2007-II; постановление Европейского Суда от 27 ноября 2007 года по делу «Брекнелл против Соединенного Королевства» (*Brecknell c. Royaume-Uni*), жалоба № 32457/04, пункт 76 и вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Мустафа Тунч и Феджире Тунч против Турции», пункты 222-225).

68. Как только нормативная или институциональная независимость является сомнительной, эта ситуация, даже если она не обязательно является решающей, должна заставить Суд провести более тщательное исследование вопроса о том, было ли расследование независимым. Если встает вопрос независимости и беспристрастности расследования, необходимо попытаться определить, могло ли и в какой мере спорное обстоятельство отрицательно повлиять на расследование и его способность пролить свет на обстоятельства смерти, а также наказать возможных виновников (вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Мустафа Тунч и Феджире Тунч против Турции», пункт 224).

б) Применение этих принципов в настоящем деле

69. В отношении обязательства проведения расследования Суд отмечает, что государственные органы посчитали, что в данном деле наличествовали необходимые критерии с точки зрения национального права для возбуждения уголовного дела по факту умышленных насильственных действий, повлекших тяжкий вред здоровью, непосредственно после инцидента, 17 сентября 2008 года (пункт 10 выше). Он установил, что, с точки зрения государственных органов, факты данного дела анализировались в рамках доказуемой жалобы, инициирующей расследование. Учитывая свою субсидиарную роль по отношению к национальной системе, он не видит никакой причины для того, чтобы отступить от заключений государственных органов. Поэтому стоящая перед ним задача заключается в анализе, соответствовал ли ход рассматриваемого расследования критериям эффективности, выработанными его прецедентной практикой и, в частности, критерию независимости расследования.

70. Суд выяснил, что жалобы, сформулированные заявителем, касаются преимущественно отсутствия независимости и

беспристрастности следователей отделения милиции, из чего следуют, по ее мнению, другие нарушения, допущенные в ходе расследования, такие как инертность, поверхностность и фокусировка на версии фактов, доказывающих невиновность сотрудников правоохранительных органов.

71. В этом отношении Суд отмечает, что сомнения заявительницы в независимости следователя Ш. основаны на ее принадлежности к тому же отделению милиции, что и сотрудники, которые могли подозреваться в жестоком обращении. Он замечает, что, учитывая тот факт, что жертву обнаружили снаружи здания отделения милиции, важно выяснить, знала ли Ш. или должна была обоснованно заключить из обстоятельств дела, что существовала связь между жертвой и ее посещением данного отделения милиции. В этом отношении Суд установил, что следователь Ш. допросила Альшину на следующий день после инцидента, 17 сентября 2018 года, и что она сама пояснила позднее в Следственном комитете, что на следующий день после произошедшего она явилась в квартиру, где произошла ссора, опросила свидетелей и изъяла оружие преступления (пункты 11 и 30 выше). Суд полагает, что разумно предположить, что после того, как она допросила свидетелей, следователь установила хронологию событий и, в частности, задержание жертвы сотрудниками правоохранительных органов, его доставку в отделение милиции и последующее освобождение (пункт 24 выше). Кроме того, Суд установил, что следователь Следственного комитета, ведущий расследование с момента смерти Альшина, установил, что тот был доставлен в отделение милиции (пункты 12, 14, 15 и 17). Он считает, что если этот факт был установлен следователем Следственного комитета, он также мог быть установлен следователем Ш. В заключение он выяснил, что государственные органы, которые в 2014 году тщательно изучили вероятность участия сотрудников правоохранительных органов в инциденте, посчитали ее достаточно высокой (пункты 22-24 выше). Таким образом Суд считает установленным тот факт, что о пребывании Альшина в отделении милиции властям было известно с самого начала расследования.

72. Суд отмечает, что заявительница обвиняет, в частности, следователя, у которой был прямой доступ к записям камер видеонаблюдения, в том что она не сохранила эти доказательства, и даже скрыла их или уничтожила, чтобы не ставить под сомнение официальную версию, согласно которой смерть Альшина наступила в результате домашнего насилия, и отказалась от версии жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов.

73. Суд напоминает, что начальный этап расследования, а именно, момент сбора и сохранения доказательств, чрезвычайно важен и что отсутствие независимости на этом этапе способно отрицательно сказаться на результате расследования (вышеупомянутое

постановление Европейского Суда по делу «Рамасхаи и другие против Нидерландов», пункты 335-338). Последующее участие в деле независимого органа не способно устранить последствия этого нарушения, с которым велось расследование с самого начала (там же, пункт 340).

74. Между тем, он отмечает, что в данном деле первые следственные действия осуществлялись непосредственной коллегой лиц, которые могли попасть под подозрение. Суд считает, что для того, чтобы сохранить уверенность участников судебного процесса в прозрачности расследования и исключить любое подозрение в сговоре, необходимо было доверить расследование органу или должностным лицам из другого подразделения милиции. Он считает, что эта мера должна была быть принята в тот момент, когда следственному органу стало известно о том, что потерпевший доставлялся в отделение милиции (пункт 71 выше).

75. Кроме того, Суд считает, что последующее участие в деле Следственного комитета не было способно устранить последствия этого нарушения, с которым велось расследование с самого начала (там же, пункт 340).

76. Вышеупомянутые факты приводят Суд к выводу о нарушении статей 2 и 3 Конвенции в их процессуальном аспекте по причине недостаточной независимости милицейского расследования.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

77. В отношении статьи 13 Конвенции заявительница жалуется на отсутствие эффективности национального расследования. Вышеупомянутая статья гласит следующее:

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в (...) Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

78. Суд отмечает, что эта жалоба связана с жалобами, рассмотренными выше, и поэтому они также должны быть признаны приемлемыми. Принимая во внимание свою констатацию в свете статей 2 и 3 Конвенции (пункт 76 выше), Суд считает, что нет оснований отдельно рассматривать жалобу по статье 13 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

79. Заявительница заявляет о задержании ее сына, совершенном, по ее мнению, в нарушение статьи 5 Конвенции, которая в части, соответствующей данному делу, гласит следующее:

Статья 5

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(...)

в) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

(...)».

80. Власти оспаривают этот довод. Они отмечают, что Альшин был задержан за административное правонарушение, доставлен в отделение милиции в 02:15 и освобожден в 02:40 после составления и подписания протокола. Пострадавший находился в отделении милиции в течение 25 минут (пункты 6 и 8 выше), которых было достаточно для выполнения всех необходимых формальностей. Они утверждают, что Альшин был задержан в порядке, установленном законом, и в строгом соответствии со статьей 5 Конвенции. Власти ссылаются на то, что в протоколе содержались все требуемые сведения и что он был оформлен в кратчайший срок.

81. Заявительница, утверждая, что задержание ее сына не соответствовало ни одному пункту статьи 5 Конвенции, не представила другой версии фактов, отличной от версии Властей.

82. Суд установил, что, учитывая пояснения Властей, ничто не указывает на то, что задержание и содержание под стражей не были произведены в порядке, установленном законом, и не соответствовали духу и букве вышеупомянутой статьи Конвенции.

83. Следовательно, данная жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с положениями подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

84. Статья 41 Конвенции гласит следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

85. Заявительница потребовала 100 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

86. Ссылаясь на постановление Суда от 2 апреля 2015 года по делу «Ирезиевы против России» (*Ireziyevy c. Russie*) (жалоба № 21135/09) и постановление от 26 марта 2015 года по делу «Гамбулатова против России» (*Gambulatova c. Russie*) (жалоба № 11237/10), Власти считают, что требуемая сумма чрезмерна.

87. С учетом обстоятельств настоящего дела, а также признания Судом нарушения статей 2 и 3 Конвенции только в ее процессуальном аспекте, Суд считает, что заявительница пережила стрессовую ситуацию, испуг и чувство несправедливости, что не может быть возмещено одним лишь признанием нарушения. Он считает, что требуемая сумма, однако, чрезмерна. С учетом совокупности фактов, имеющих в его распоряжении, Суд присуждает заявителю 10 000 евро (EUR) в качестве возмещения морального вреда.

В. Судебные расходы и издержки

88. Заявительница также требует возмещения «возможных судебных издержек и расходов», понесенных в Суде, сумму которых она установила в размере 1600 евро (EUR).

89. Власти указывают, что заявительница сначала прибегла к услугам Асланян, которая не представляла ее в Суде. По их мнению, из формулировки, использованной заявителем, которая требует возмещения «возможных судебных издержек и расходов», следует, что заявительница не понесла никаких расходов, связанных с ее представительством в Суде.

90. В соответствии с практикой Суда заявительница может получить возмещение своих расходов и издержек только в той мере, в которой был установлен их реальный объем, необходимость и обоснованность. В данном деле, учитывая представленные в его распоряжение документы и прецедентную практику, Суд отклоняет требование о взыскании судебных издержек и расходов.

С. Проценты за просрочку платежа

91. Суд считает целесообразным установить процентную ставку за просрочку платежей в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* приемлемой жалобу относительно аспектов, составленных на основании статей 2, 3 и 13 Конвенции и неприемлемыми остальные жалобы;

2. *Постановил*, что отсутствует нарушение статей 2 и 3 Конвенции в их материально-правовом аспекте;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статей 2 и 3 Конвенции в их процессуальном аспекте;
4. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать данное дело на предмет соответствия статье 13 Конвенции;
5. *Постановил*:
 - а) что в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции Государство-ответчик обязано выплатить заявителю в качестве компенсации неимущественного вреда 10 000 евро (десять тысяч евро) в пересчете на национальную валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты, плюс любые налоги, подлежащие начислению на эту сумму;
 - б) что по истечении указанного срока и до момента выплаты на эту сумму будут начисляться простые проценты, равные предельной учетной ставке Европейского центрального банка, действующей на данный период, плюс три процентных пункта;
- 6 *Отклонил* остальные требования о справедливой компенсации.

Составлено на французском языке, и письменное уведомление о постановлении направлено 28 августа 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Хелена Йедерблом
Председатель